

Докторская публикация Короленко звучит не менее злободневно, чем ставшие теперь знаменитыми «Письма к Луначарскому». Конкретные факты ушли в историю, но рассуждения старого писателя роковым образом не утрачивают остроты злобы для нашего «измывавшегося вконец дня». Ведь остались нерешенными исторические задачи, стоявшие перед Россией во времена Короленко, когда демократия завоевывала общественные симпатии, но оставалась безвластной в государственной структуре. Более того, ситуация сократилась длительным большевистским режимом, названным Владимиром Галактионовичем в 1920 г. «диктатурой штыка». Новая власть, писал он в те же годы, «сразу подвинула нас на столетия назад», превзойдя «самые безумные мечты царских ретроградов».

Русская история XIX века вновь и вновь подтверждает горькое наблюдение Короленко: «Мы, как государство, консервативны только в зле. Чуть забрезжит что-то новое, получше, гуманнее, справедливее, и тотчас гаснет. Приходит «новый курс» и отбрасывает нас к Иоанну Грозному...» [1911].

«Сильная власть» никогда не была в России властью закона, права и справедливости, а всегда торжеством насилия и бессудности всея Руси. Это «удобно» для правителей и гибельно для страны, много раз повторил Короленко, предвещая ту катастрофу, к которой фатально приближался государственный корабль России. Если «крепкий аппарат» власти не в состоянии даже проложить сносных дорог — он обречен историей на «феерический провал».

Слепая реакционность, не встречающая отпора, губительна для страны, так как тормозит необходимые реформы и души живые силы общества, а в результате гонит Россию «по пути смерти». Кроме того, произвол и бесправие порождают глубокие болезни личности, когда человек чувствует себя «нулем» и больше ничего» и всякий «согласный с законом и совестью» гражданин поступок, идущий «во направлении гуманности», требует «сверхъестественного героизма». Однако рано или поздно деспотизм порождает максимализм народной массы, доведенной до отчаяния. А это грозит революцией, предупреждал Короленко.

Сам он причислял себя не к революционерам,

а к людям «вечной оппозиции» всякой несправедливости и всяким максималистским проектам, введенным в «безвоздушно-логическом пространстве». В 1912 г. он обращался к интеллигенции со словами: «Мы НАДУМАЛИ и начали уже на два-три столетия вперед против европейского уклада, а жизнь держит нас на столько же столетий назад от него». И предлагал оставить «социальную алхимию», чтобы идти дорогой жизни. Не «последние слова» социализма изменят облик российской земли, полагал убежденный демократ, а поднявшийся с колен «маленький русский человек», чья деятельность только и может вернуть к жизни онемевшие члены огромной державы.

Реформатор и законник, Короленко всегда звал к той «середине, которая знает свои права и не претендует на чужие, к той середине, которая называется «гражданством» и которой «нет еще на убогом просторе нашей родины...».

И еще Короленко умел обращаться к согражданам спокойно и доверительно; он не любил «сильного лексикона» партийных кружков и тех публицистов, которые «просто говорить не умеют, а все с вывертами: и подкакивают, и кидаются, и лают».

Впрочем, все эти свойства читатель увидит сам. Современники называли Короленко «нравственным гением», ибо он воплотил их мечту о праведнике, без которого не стоит здание литературы и общественности.

На склоне лет просматривая свои бумаги, Владимир Галактионович находил много «законченных, но нигде не отосланных» вещей. «Теперь порой прочитываю их с удовольствием и удивляюсь, — чем был недоволен тогда», — писал он по этому поводу зятю К. И. Ляховичу. В те же годы он дал задание «Об интеллигенции» заметке, которая первоначально вошла в статью о Н. К. Михайловском, написанную к 10-й годовщине смерти соредатора Короленко по журналу «Русское богатство». К теме особого положения интеллигенции среди общественных групп он предполагал еще вернуться.

Все публикуемые материалы хранятся в личном архиве писателя в ГБЛ. Первая заметка воспроизводилась факсимильно в малотиражном сборнике «Помощь голодным. Собрание автографов и факсимиле» [М. 1907].

Портрет работы Н. А. Ярошенко. 1898 г.

Вл. Короленко: «Во мне вечная оппозиция...»

«ПОКОЙНЫЙ МИНИСТР ПЛЕВЕ...»

Покойный министр Плеве был человеком, не лишенным своеобразного юмора. В одной чиновничьей комиссии, обсуждавшей вопрос «об улучшении грунтовых дорог», кто-то предложил спросить по сему вопросу мнение земских людей.

— Я охотно сделал бы это, — ответил Плеве. — Но я знаю, что земцы, в свою очередь, обратятся к третьему элементу... (сами пишут плохо), и в конце концов мы получим ответ: «Для улучшения грунтовых дорог необходимо упразднение самодержавия».

Члены комиссии почтительно смеялись остроумию и меткости превосходительной остроты, не допуская, конечно, и мысли, чтобы настигли мостов и шоссеиной щебенкой могли вопить против самодержавия. Герой кантемировской сатиры удивлялся когда-то тому странному обстоятельству, что когда «болит голова», то врач «ищет знаки в руке». Есть еще и теперь люди, которым не верится, что термометр, поставленный под мышку, может указать на то или другое состояние легких.

Между тем высокопревосходительный русский министр мог бы прочесть в истории, составленной его превосходительством, английским лордом Маколеем, прямое указание на тот странный, но несомненный факт, что грунтовые дороги в Англии сильно улучшились вслед за падением Стюартов и в прямой зависимости от победы Парламентарного строя над абсолютизмом.

И это понятно не в одной Англии. Во все времена и для всех стран болезнь, называемая застоєм и реакцией, чрезвычайно опасна. Несомненным множеством микробов в феодальных, клерикальных, помещичьих или дворянских мутирах разливается она от пораженного ею центра до последней деревушки, истощая ее жизнеспособность, подтачивая силы, отражаясь даже на состоянии крыш и изгородей, а не только на покое и покое. Мудрено ли, что народный организм впадает от нее в бездельность и апатию, то в лихорадочное возбуждение...

Таково именно состояние России после недуга тридцатилетней реакции. Сознание основной причины болезни широко развивается в массах. О ней действительно вопиют камни, когда смываются люди. В зное проволок вдоль бесконечных шоссе и в шипении снежной метели, в шесте беззастенчивых куртов и в молнии занесенных сугробами деревень, в обрывах то слякотной песни и в звоне колокольчика на пустынной дороге, в угрюмых разговорах по тюрьмам и в сдержанных суждениях деревенских политиков слышен все тот же основной мотив русской современности: о голоде, о безземелии, об обманутых надеждах, о равнодушии произвола и неспособности реакционного правительства...

Температура русского народа поднимается сильно. Он презит о свободе. Визжит кризис. Такие кризисы часто опасны и бурны, но и почти всегда благоприятны...

Никаном остроумнеем теперь уже не прикрыть очевидного факта: история русских годовдов есть страшный обвинительный акт против самодержавного строя.

Январь 1907 года

СИЛЬНАЯ ВЛАСТЬ И КАТАСТРОФЫ

Императорская яхта «Штандарт», двигаясь среди Финляндских шхер, в узком проходе между двумя каменистыми островами, со скоростью 14 узлов в час, — наскочила на камень. Удар, должно быть, был очень силен, и жизнь пассажиров была в сильнейшей опасности. А пассажирами была царская семья... От толчка огромные паровые машины сдвинулись со своих оснований, а это значит, что котлы были на волосок от взрыва. В 1907 году судили и присудили к смертной казни людей, обвиняемых в заговоре на жизнь государя. Там, по данным суда, дело было еще в стадии смутных замыслов, от которых очень далеко до исполнения. На яхте «Штандарт» в момент удара опасность была во много раз бли-

же и реальнее. Еще какой-нибудь вершок, еще сдвигание, и подводный камень Финляндских шхер, таинственный, скрытый под водой, бесстрастный и непричастный ни к каким замыслам, оказался бы причиной огромной исторической катастрофы.

Вопрос: кто виновен в этом изумительном эпизоде, поставившем на волосок от смерти главу государства и членов русского царствующего дома?

Этот вопрос до сих пор не разъяснен, и кажется, нетрудно предсказать, что он так и останется неразрешенным для современников... Газеты «Новое время», «Русское знамя» и другие подобные ревенители национализма готовы были видеть в крушении царской яхты — финляндскую интригу? шхеры финские и лопман — финляндец. «Московские ведомости» винили финляндского генерал-губернатора г-на Герарда. По мнению г-на Грингмута, даже подводный камень был бы гораздо почтительнее, — если бы на посту генерал-губернатора был покойный генерал Бобринков. Более тонкие люди и рассуждают несколько тоньше: шхеры финские и в них оказывается не нанесенный на карту подводный камень. Итак, виновно финляндское морское или лопманское ведомство, не нанесшее камень на карту...

Однако — эти первоначальные предположения и обвинения, наивные и не наивные, глупые и совсем не глупые, давно рассеяны, по крайней мере, в глазах всех благомыслящих людей без различия партий. Лопман Бломквист — финляндец, известный своим знанием дела, и человек, совершенно надежный. Если бы это было иначе, то, разумеется, виновными оказались бы не финляндцы вообще, а те, кто обязан заботиться о безопасности государя и его семьи. Но лопман Бломквист — по утверждению морского министерства — стоит вне подозрений: это человек с отличным знанием дела и твердой профессиональной совестью. Он финляндец, это правда, но финляндским морякам не раз уже веряли свою безопасность членам русского царствующего дома: Александр III много и подолгу плавал по шхерам, чувствуя себя там в большей безопасности, чем во многих местах коренной России. Только люди, плохо отдающие себе отчет в том, что значат слова «профессиональная верность», — могут так легко кидать обвинения на том единственном основании, что обвиняемый не коренной русский... Такие обвинения могут вызывать лишь презрение всех не ослепленных людей... Финляндская пресса, со своей стороны, разоблачает, что лопман Бломквист предупреждал об опасности быстрого хода в узком проливе, при длине и посадке «Штандарта»...

Та же пресса указала, что гидрографические работы в шхерах изъять из ведения финляндского лопманского ведомства и передать русскому морскому министерству. На них ежегодно отпускалось 1½ миллиона... И так, если бы на месте нынешнего генерал-губернатора Герарда был лопманский г-н Грингмут генерал Бобринков, или даже сам г-н Грингмут, то и это не устранило бы катастрофы: таинственный подводный камень стоял бы все на том же месте, все так же не нанесенный русскими гидрографами на карту, и сила удара императорской яхты определялась бы 14-ю узлами хода и движущей массой судна, а не силой и направлением генерал-губернаторской власти...

И однако факт остается: был проход, в котором был камень, не нанесенный на карту. Его, оказывается, предчувствовали, его присутствия подозревали и в окончание, пока русские морские гидрографы за 1½ миллиона рублей нанесут его на карту, финляндцы считали проход опасным и не решались водить по нему больших судов. Конечно, гидрографическое ведомство виновато в медленности нанесения на карты подводных камней. Но все-таки не оно повело императорскую яхту со скоростью 14 узлов по опасному проходу. Повел Бломквист? Но морское министерство считает его «стоящим выше упрека». И, кроме того, он предупреждал... А яхта все-таки неслась прямо на камень. И еще раз спасение императорской семьи считают «чудом», особой милостью неба.

Назначена особая следственная комиссия для расследования аварии яхты «Штандарт». Она «обязана выяснит остроту места аварии и опросом начальствующих лиц, в том числе и флаг-капитана, контр-адмирала Нилова, очевид-

цев из офицеров и команды яхты причины, вызвавшие аварию»... По докладу ее министру — возникнет вопрос о виновности и суде...

Но «причины аварии» ясны: камень, не нанесенный на карту, и 14 узлов хода в опасном месте. И так — вопрос сводится к тому: кто днул судно в опасный проход с опасною скоростью и притом при условии, что лопман против этого возражал и предупреждал...

Таков вопрос, который, по нашему мнению, имеет значение, далеко превосходящее частный вопрос об ответственности данных лиц.

По этому поводу газеты вспоминают прецеденты, оказывается, что раз уже царская яхта была посажена на мель... Есть прецедент и более прямой и более важный.

Это было около станции Борки 17 октября 1888 г. Тогда царская семья ехала на яхте, а в поезде, который потерпел крушение. Была, конечно, тоже назначена комиссия, которая расследовала дело. Результаты расследования остались для общества не ясны. Помнится, вину за что-то инженерное ведомство: в обществе упорно говорили о «покушении». Специалисты указывали на большую уклон. Но по этому уклону проходили безредно тысячи поездов, а слухи о покушении, сколько известно, оказались неосновательными. В конце концов, остановились на том, что царский вагон был с свинцовым полом и уклон для него был опасен... Но — зачем же тогда пустили опасный поезд по опасному уклону с опасною скоростью?.. И кто это сделал?

Как видите, вопрос тогда ставился совершенно так же, как ставится он теперь: тогда была опасная скорость поезда на уклоне. Теперь опасная скорость в узком и каменистом проходе...

Гласности при расследовании крушения поезда, конечно, не было.

Мне случилось тогда встретиться с одним инженером, довольно близко стоявшим к высшим инженерным сферам, и он раскрыл передо мною совершенно особую точку зрения на это дело, которая, быть может, годится и для «Штандарта».

Винят инженеров, — говорил мой собеседник, — винят машиниста, винят уклон, винят террористов. Никто, однако, не угадывает, где кроется настоящий виновник катастрофы.

А именно? — спросил я. — Вы, вероятно, удивитесь и сочтете то, что я скажу, парадоксом. А между тем это верно. Не виновен никто, кроме... сильной власти...

— ?? — Да. Именно. Я вам сейчас объясню. Царский поезд отправляется со станции Борки. Между этой станцией и соседней есть большой уклон; об этом все знают: начальник дороги, начальник дистанции, станционный начальник, машинист. Особенно машинист. Вы вот не ездили на паровозе. Я ездил, но, конечно, я был только практикантом. Опытный машинист, так сказать, сливается с локомотивом. Он сразу, по первому движению паровозных колес чувствует тяжесть поезда и разравниваемую им живую силу. Он чувствует, как сшибаются буфера и как товарищеские вагоны нажимают на пассажирские. Царский вагон с свинцовым полом машинист чувствовал за собой все время.

— И однако? — Я сказал уже: он предупреждал... Но... вот тут-то и выходит на сцену «сильная власть». В нормальных условиях машинист — ответственный хозяин машины, и ход поезда — в его руках и на его совести, как судно — в руках лопмана. Известен исторический рассказ о том, как шкипер на Белом море обругал Петра Великого, приказав ему слушаться команды, и царь повиновался. Это я называл бы «автономией» судового и поездного начальства...

— Пожалуй. — Но, как известно, автономия у нас не в авангарде. Над царским поездом назначается специальная охрана, с особым начальником, снабженным «сильною властью». Перед этой властью — смолкает всякая автономия, т. е. всякое знание своего дела и всякое сознание ответственности за это дело и машиниста, и бригады. Все должны повиноваться беспрекословно начальнику охраны... То есть, поименно хорошему: все знающие данное дело обязаны слушаться человека, в этом деле ничего не смыслящего... Потому что все знающие дело

заподозрены, а не знающий облучен — и полным доверием, и всей полнотою неограниченной власти... Теперь вы понимаете, в чем дело?

— Начиная понимать...

— В данном случае неограниченным распорядителем был генерал NN (помнится, мой собеседник называл генерала Черевина). Человек, несомненно, «преданный», но, во-первых, любит выпить, во-вторых, ничего не смыслит в железнодорожном деле. Он, конечно, вполне добросовестно руководит «своим» взглядом на дело. Но этот взгляд есть взгляд человека, в технике неспециального. Политика берет реальный перевес над техникой, необходимо ехать как можно быстрее.

— Ваше превосходительство... уклон. — Пустяки. — В царском вагоне свинцовый пол. — Пустяки, я тебе говорю. При чем тут пол. На основании данной мне власти... Такой-то! Стать на тендер и, если этот человек... — Ну, и так далее.

Машинист стоит между обычным своим профессиональным долгом и — чрезвычайными мерами специальной охраны. Профессиональный долг говорит ему, что он не вправе рисковать жизнью пассажиров и особенно пассажира царского поезда. Но ему приказывают забыть то, что говорит его совесть. Он подчинен экстренной сильной власти. К нему на паровоз поставлены особые наблюдатели. Он, кроме того, русский человек, т. е. человек, привыкший к экстренным веляниям совести подчиняться всяким экстренным властям и их, порой самым неожиданным, распоряжениям... И он уступает. Он двигает рычаг. Поезд трогается. Скрыпнули буфера, поезд подается того, царский вагон в середине оказывает явное сопротивление; по-прежнему ход усиливается. Машинист, все время стоя на полу локомотива, чувствует эластичные толчки и потягивания. А ему говорят: «скорей». Он, конечно, поддается первому возможному опасости, которую сознает. Но за плечами — другая опасность в виде «сильной власти». Тут остается еще «возможность» авось уклон и прочее пойдут. А здесь беспощадны. И вот поезд изгибается на гребне и летит по уклону... Машинист чувствует, что локомотив уже не везет, что какая-то сила толкает его сзади. Огромная масса свинцового вагона приобретает свою собственную инерцию, развивая огромную живую силу. Вагон напирал на передние более легкие... Треск, удары... катастрофа.

Такую теорию катастрофы 17 октября развил передо мной знакомый мне инженер. Правда это или неправда, — я не знаю, но, когда такие события и их причины оставляются под покровом канцелярской тайны, когда подробности и причины их составляют предмет гаданий, то, конечно, и эта теория имеет свой raison d'être, как и всякая другая. Как бы то ни было, она вероятна, и невольно приходит в голову — не применима ли эта теория и к новому случаю. Лопман Бломквист — отличный знаток своего дела, и он отлично сознает, что проход опасен. Спрашивается, что же именно, какая именно власть заставила его двинуть царскую яхту в опасный проход с опасною скоростью?..

Если верить всем отзывам о лопмане, в том числе отзывам министерства, то остается одно только объяснение: власть, которая заставила знающего лопмана, «стоящего выше всяких упреков», двинуть царскую яхту на явную опасность, должна была быть очень «сильною властью»... И он, хоть и финляндец, пошел лучше на риск страшной опасности, лишь бы не ослабнуть этой властью...

Нынче царствующему государю приходится во второй раз в жизни испытать подобную катастрофу. Тогда он был еще юношей, наследником, и ехал с отцом. Теперь он сам царь и отец, и с ним были его дети... Поезд, в котором он ехал тогда по чудным рельсам, яхта, которая мчала его среди шхер над глубиной моря, — это ведь целый мир, в котором есть и управляющие и управляемые. Если бы профессиональная совесть лопмана Бломквиста была свободна, если бы он мог и сумел сказать: веляния своей профессиональной совести и моего опыта я ставлю выше всех других приказов и не поведу яхту с доверившимися мне высокими пассажирами на возможную гибель, — катастрофы бы не было.

— катастрофы бы не было.

Но «сильная власть», та самая, которая теперь владычествует над всею поверхностью русской жизни, — в столицах, в губернских городах, в уездах, в последней деревушке... Та самая, которая все знает лучше всех действующих людей, которая все гнет и ломает по-своему... Та самая «сильная власть» в видах чрезвычайной охраны особы государя и его семьи — стала выше профессиональной совести безупречного служки и подданного. Временные интересы охраны стали выше постоянного веляния совести лопмана Бломквиста... И поезд летит по опасному уклону, и яхта мчится по опасному проходу, и судьба целой династии дважды попадает во власть слепого случая и игры слепых стихийных сил...

Так ли все это было, — мы, конечно, не знаем. Если это было и так, то понятно, почему это не раскрыто... «Сильная власть» сама производила все расследования, и мудро ли, что «сильная власть» не обвинила себя...

А если это оказалось бы так, то какая это блестящая и грозная иллюстрация «сильной власти», от которой поезд сходит с рельсов и яхты насканивают на камни. И каково ее влияние на судьбы династии... Во все царствование императора Александра III не было ни одного покушения опаснее для династии, чем стихийная катастрофа 17 октября <1888> года... И во все царствование Николая II не было опасности, которая бы так близко надвинулась над государем и его семьей, как крушение в шхерах <29> августа 1907 года...

Невольно вспоминается известный эпизод, когда лопман на Белом море грубо оклинул самого царя Петра I, приказав ему повиноваться, пока он на судне, во власти волн и его, лопманского, умения... Совесть этого лопмана была автономна, и Петр Великий смирил перед ним свою «сильную власть».

С тех пор, очевидно, прогрессировало и самодержавие и «верноподданство». Машинист на железной дороге и лопман Бломквист оба оказались более послушными перед «сильною властью», отщепенной от самодержавия. И маленький мирок в виде железнодорожного поезда или парохода «Штандарт» роковым образом мчится сам и мчит всю династию на гибельный подводный камень... Это ли не предостережение?..

<1908>

ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Мне вспоминается одна статья из мелового месяца марксистского настроения среди молодежи. Статья была написана по поводу выставок картин, и на ней она коснулась картины Ярошенко «Курсы». Многие, вероятно, еще помнят эту картину: скромно одетая девушка, в круглой шапочке и пледе, с книжкой в руках бежит, по-видимому, на лекцию... Лекция на курсах или публичная лекция. Она жадно торопится туда, где она услышит отголоски своих исканий, а может быть, и элементы их разрешения. Так как картина была написана в 70-х годах, то вероятно, что она бежит на лекцию, где ей будут говорить об ее обязанности определить свои отношения к народу, который живет в деревнях, у которого есть община и т. д.

Критик писал в годах 90-х. Поэтому он находил, что самое искусство изменилось оттого, что предметом внимания стал городской рабочий пролетариат, а не мелкобуржуазное крестьянство. Это уже прошлое, говорил рецензент. «В глазах этой девушки отражалось хлебное поле». Что отражается в этих глазах в данное время? Не фабричная ли труба, — этого критик не договаривал. Он был убежден, по-видимому, что предмет зрения, то, что отражается в глазах, способен изменить самую душу этой девушки, самый психологический тип русской молодежи...

Это, конечно, довольно наивное заблуждение. И в 80-х и в 90-х годах XIX века существовало в положении русской интеллигенции остается одно: ее собственные искания, собственная мысль, стремление найти свое собственное место в великом процессе исторического передела. Для этого ей нужно найти правду жизни, своих отношений, найти союзные в народе элементы в понимании и осуществлении этой правды.

В 70-х годах эти элементы видели в крестьянстве и общине. И были поэтому люди, которые готовы были преклониться перед крестьянством, как перед идолом. С этим Михайловский боролся в одной части тогдашнего народничества. Потом союзников увидели исключительно в пролетариате и многие опять готовы были поклониться новому идолу — «пожертвовать» своими мнениями, своим нравственным укладом, своей личностью... С этим Михайловский боролся в марксизме.

Для него не было идеолов. Среди расколосшегося мира есть и долго еще будет человеческий тип, болеющий этим расколом, но занимающийся в нем своим собственным делом. Это то, что принято называть общим названием интеллигенции. Она чувствует ненормальность раскола. Она стремится к слиянию разных частей расколосшегося мира, к тому, чтобы люди были равны. Это не нивелировка, не обезличение. Михайловский выразил это своей формулой: разнообразие, разносторонность, душевное богатство личностей и однородность общественной структуры. Интеллигенция чувствует, что ее в том виде, как она есть теперь, не должно быть в будущем обществе. Но это не причина для самоуничтожения. Ведь несомненно, что и пролетариат, и крестьянства в том виде, как они есть, тоже не должно быть. Те, кто представляют себе это будущее, как усовершенствованную деревню нынешнего типа, так же ошибаются, как и те, кто полагает, что это будет усовершенствованная нынешняя фабрика и что пролетариат войдет в землю обетованную нынешним пролетариатом.

Теперь нет ни одного класса, ни одного элемента общества, которому можно было бы приписать райскую святость. Для всех нужна вера в то, что будет правда. Но это есть именно вера, момент религиозный. Поклонение довлеет не идеалам, а тому божественному, что есть у человека в душе.

У Михайловского оно было в высочайшей степени. Он мог ошибаться во многом, он мог фактически переоценивать или недооценивать те или другие факторы общественной жизни. Но он верил в то, что составляет жизненный нерв интеллигенции. Верил в силу разума и науки, в силу истины и справедливости и верно определял общее направление пути. Его знаменем были интересы труда, его оружием замечательная сила мысли.

И вот почему наиболее чуткая часть общества — несколько поколений русской молодежи — и тогда, когда были готовы превратиться в переломе народничества, и тогда, когда вовлекались в идеологическую марксистскую толка, — инстинктивным восторгом, часто невольным, обращались к этому человеку с седой головой и с загадочно-суровым взглядом, который сказал когда-то: — Если бы весь народ захотел вторгнуться в мой рабочий кабинет, где я служу своему Богу, чтобы разбить бюст другого божьего слуги — Белинского, — я сочту своим правом и обязанностью умереть у порога своего крова и защищать его, пока у меня хватит жизни.

Потому что он не был слугой ни одного класса. Он был слугой только человеческой мысли и правды...

<1914>

Вступительная заметка и публикация
М. Г. ПЕТРОВОЙ